

правовою інженерією, яку слід розбудити і пробудити до діяльності зсередини, із «генів». Адже життя – це боротьба з собою лінєвим, схильним до опіки з боку цілого.

ДЖЕРЕЛА ТА ЛІТЕРАТУРА

1. Поппер К. Відкрите суспільство та його вороги. У 2-х т. / К. Поппер. / Перекл. з англ. О. Коваленка. – К.: Основи. – 1994. – Т. 1. – 444 с.
2. Поппер К. Відкрите суспільство та його вороги. У 2-х т. / К. Поппер. / Перекл. з англ. О. Буценка. – К.: Основи. – 1994. – Т. 2. – 494 с.
3. Поппер Карл. Злиденність історизму: Пер. з англ. / Карл Раймонд Поппер. – К.: «АБРИС», 1994. – 192 с. – (Б-ка часопису «Філософ. і соціол. думка». Сер. «Класики світової суспільно-політичної думки»).

SUMMARY

The article explicates the meaning of Karl Popper's concept of social engineering as means for developing democratic society.

В. И. ПАЛАГУТА

ПЕРСПЕКТИВЫ И БАЗИСНЫЙ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ПРИНЦИП СОЦИАЛЬНОЙ ТЕОРИИ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ СУБЪЕКТА

Как уже говорилось в предыдущих публикациях автора, в частности, в настоящем вестнике (см. «Культурологический вестник» – №27 за 2011 год), одной из характерных особенностей трансформации современной социальной теории стало «возвращение» в её проблемно-исследовательское поле понятия «субъективность» после постмодернистской ситуации «смерти субъекта». Но данное «возвращение» происходит уже на качественно иной основе. Речь здесь идёт о том, что тенденция данного «возвращения» определяется постепенным утверждением в социально-гуманитарных науках *субъектно-ориентированного подхода*, который является онтологической и эпистемологической основой создания современной *двуединой субъектно-социальной теории*.

В рамках разработки данной *субъектно-социальной теории* автором статьи была предложена концепция самоидентификации социального субъекта в социальных пространствах дискурса [1]. Полученные результаты обозначили горизонты последующих исследований самоидентификации субъекта в микросоциальных пространствах дискурса. Так, было выяснено, что разработку субъектно-социальной теории необходимо проводить в трёх взаимосвязанных направлениях. Во-первых, в направлении продолжения исследования содержательных аспектов дискурсивно – перформативной самоидентификации, во-вторых, в направлении разработки методологии имманентной позиции наблюдения в микросоциумах дискурса, в-третьих, в направлении изучения других разновидностей субъективной самоидентификации, и наконец, в свете изучения феномена самоидентификации представляется целесообразным осуществить изучение всего многообразия процессов социализации, что повлечёт за собой социально-философский пересмотр традиционного содержания понятия «социализация» как «вхождения» субъекта в социальные измерения бытия на микроуровнях социума.

Остановимся подробнее на характеристике этих направлений, а затем рассмотрим одну из базисных методологических задач исследования. Так, изучение содержательных аспектов социальной теории самоидентификации субъекта сориентировано в направлении углубления исследования *дискурсивно-перформативной самоидентификации* в условиях «кризиса идентичностей», характерного для современных обществ. Данный онтологический тип самоидентификации рассматривает субъекта в качестве неотъемлемой составляющей глубоких и необратимых изменений, происходящих в современном социуме. А в условиях «кризиса идентичностей» через скрупулезное изучение дискурсивно-перформативной самоидентификации возникает возможность распознать необратимые трансформации субъективности.

Появилась потребность в продолжении исследования таких разновидностей дискурсивно-перформативной самоидентификации как *деидентификация и реидентификация*, способствующих углублённому изучению механизмов самоопределения субъекта, а именно, – его самоинтерпретации, самоконструирования и самотрансформации в дискурсивных пространствах. Требуется дальнейшего продолжения и изучение *механизма действия* идентификационных матриц субъективности, устанавливающихся в дискурсивных пространствах и, непосредственно определяющих формирование *дискурсивно-перформативной самоидентификационной модели*

субъективности. Она основывается, как и другие самоидентификационные модели, на феномене множественности субъекта или полисубъективности. В свою очередь, это позволяет изучать специфику одновременного сосуществования и функционирования *различных идентификационных матриц субъективности* – их конкурирование, взаимодействие и взаимовлияние. В конечном счёте, одной из основных наших задач является построение *типологии идентификационных матриц субъективности* в пространствах высказывания. Эта задача предполагает изучение таких пространственных образований как *атопии* и *дистопии*, являющихся неотъемлемыми онтологическими атрибутами идентификационных матриц субъективности дискурсивных пространств. Данные пространственные образования задают на уровне «*дискурсивного следа*» различного рода лакуны или разрывы дискурса, и демонстрируют архитеконику дискурсивных микросоциальных пространств.

Для того, чтобы продолжить исследование содержательных аспектов дискурсивно – перформативной самоидентификации в социальных пространствах дискурса, необходима дальнейшая разработка определённых методологических положений и принципов, определяющих второе направление исследования, а именно, – проведение компаративистского анализа *имманентной позиции наблюдения* как антитезы традиционному трансцендентному теоретизированию, всегда использующего *метаязыковую позицию абсолютного наблюдателя*. Это позволит разрабатывать *методологию* изучения микросоциумов с использованием принципа имманентизма. В своей знаменитой «теореме Томаса» известный американский социолог У. Томас сформулировал этот принцип следующим образом: «Если люди определяют какую-то ситуацию как реальную, она действительно становится реальной по своим последствиям». Иначе говоря, если поставить задачу понять идентичность субъекта в той или иной позиции, то надо исходить из его собственного определения себя и выяснить, как он воспринимают себя в той или иной социальной реальности. При этом потребуются выявление специфики и исследовательских возможностей данной имманентной позиции наблюдения, способы представления, накопления и воспроизводства социального знания в ней, определяемого самоидентификационными структурами, «порождающими» как самого субъекта посредством дискурса, так и «включённого» субъекта – наблюдателя. Это позволит детально изучать условия и факторы формирования социального знания в имманентной позиции, всегда «встраивающей» наблюдателя в наличную социальную реальность, структурированную как реляционные дискурсивные пространства.

Разработка данной методологии начинается с формулировки одного из основных принципов исследования микросоциальной реальности в позиции имманентного наблюдения. Он позволяет фиксировать в любом социальном объекте «*следы*» её *изначальной самоидентификационной дискурсивной конструкции* со своими специфическими индексами, которые указывают на место, занимаемое субъектом - наблюдателем в определённый момент времени. Иначе говоря, эти индексы самоидентификационной дискурсивной конструкции и требуется обнаружить и пряснить их значение как указателей определённого места или позиции в дискурсивном пространстве.

На наш взгляд, индексом самоидентификации является не утраченная ни при каких обстоятельствах способность субъекта к самоудостоверению, а его необходимым следоуказателем или маркировочной процедурой в той или иной позиции или месте является самоузнавание или способность субъекта говорить себе «*А что я здесь делаю?*» и задавать себе вопрос «*А где я сейчас [нахожусь]?*». Это вопрошание предельно *релятивизирует* позицию наблюдения, делает её *относительной*, и, в свою очередь, маркирует способность субъекта выйти из этой позиции и занять другую позицию или место. Поэтому, данную задачу можно переформулировать в виде следующего вопроса: если субъект должен пониматься как «эффект» самоидентификации, то каким образом возможно его самоузнавание и, как следствие, самоудостоверение как субъекта? Иначе говоря, каким образом возможно (и какие индексы здесь используются) самоудостоверение субъекта, осуществляемого с помощью процедуры самоузнавания?

Для рассмотрения самоудостоверения субъекта обратимся к анализу известной теории интерпелляции французского социального философа Л. Альтюссера, изложенной в его небольшой работе «Идеология и идеологические аппараты государства»[2]. Спецификой данной теории является то, что существование субъекта невозможно вне и до перформативных речевых актов именованного или означивания, происходящих у субъекта через вопрошание и получение определённых ответов о себе – «А кто я? – Это [есть] Я». Тем не менее, данная теория исключает возможность концептуализации субъекта только языковыми или лингвистическими средствами. «Лингвисты и те, кто с различными намерениями обращается к лингвистике, часто сталкиваются с трудностями, которые возникают потому что, они игнорируют действие идеологических эффектов

во всех дискурсах – включая даже научные дискурсы», – пишет в этой связи Л. Альтюссер [2, Р.116].

Согласно французскому мыслителю, необходимо учитывать, что означающие всегда являются элементами определенной идеологии, т.е. элементом дискурса того или иного Государственного идеологического аппарата. Здесь идеологический аппарат государства необходимо понимать в расширенном контексте как систему власти, политических предпочтений и установок, культурных стереотипов, языков конструкторов и клише и т.д. Поэтому эффективность имён собственных или означающих, их перформативная сила может быть объяснена только через отсылку к этому идеологическому аппарату. Это положение Л. Альтюссера во многом соответствует известной позиции французского семиотика Р. Барта [3], согласно которой, власть необходимо существует в языке, оставаясь, при этом, непредъявленной, подспудной для говорящего субъекта. Говорящий субъект, по мнению Р. Барта, забывает, что язык всегда является средством классификации, а любая классификация является способом подавления. Ссылаясь на русского лингвиста Р. Якобсона, Р. Барт отмечает, что любой язык определяется не столько тем, что он позволяет сказать говорящему, сколько тем, что он понуждает сказать говорящего. «Так, – пишет Р. Барт, – говоря по-французски, я вынужден сначала обозначить себя в качестве субъекта, и лишь затем назвать совершаемое мною действие, которое таким образом оказывается не более, чем моим атрибутом: получается, что то, что я делаю, есть всего лишь следствие и последствие того, чем я являюсь; <> точно так же, выражая свое отношение к другому, я вынужден пользоваться либо местоимением ты, либо местоимением вы: в их эмоциональной или социальной нейтрализации мне отказано. Таким образом, в языке, благодаря самой его структуре, заложено *фатальное отношение отчуждения*. Говорить или тем более рассуждать вовсе не значит вступать в коммуникативный акт (как нередко приходится слышать); это значит подчинять себе слушающего: весь язык целиком есть общеобязательная форма принуждения» [3, С.547-548]. Иначе говоря, пользуясь языком, субъект всегда втягивается в определённые дискурсивные «воронки», имеющие свои силовые или властные законы.

Последователи Л. Альтюссера – одни из основателей французской школы автоматического анализа дискурса М. Пешё и К. Фукс [4] по этому поводу отмечают, что область дискурса нельзя рассматривать в качестве автономного поля. «Область дискурса, – пишут они, – следует понимать как один из материальных аспектов того, что мы назвали *идеологической «материальностью»*. Иначе говоря, дискурс как вид принадлежит роду идеологии» [4, С.106]. Любой дискурс, если придерживаться подобной трактовки, оказывается вписанным в отношения власти и подчинения. То, что говорится и эффекты, возникающие в результате говорения, определяются не столько лингвистическими структурами (т.е. теми структурами, которые доступны чисто лингвистическому анализу или анализу языка в духе лингвистической философии), сколько *структурами отношений власти*, внутри которых функционируют конкретные дискурсы. Именно поэтому, согласно М. Пешё лингвистика впадает в противоречия, когда пытается строить семантику исходя из анализа формального аппарата языка, т.е. исходя из его фонологической и синтаксической структур. Более того, эти *отношения власти* простираются на все области интеллектуальной и духовной деятельности субъекта, где он использует тот или иной специализированный дискурс – политический, научный, экономический, культурный, производственный и т.д. для понимания общества. Известный шведский социальный теоретик П. Монсон в этой связи пишет: «*Изучать общество с точки зрения социологии – значит изучать его с помощью институционализированных правил, управляющих предметом*. Эти правила тоже являются социально созданными, они поддерживаются людьми. Однако как политик. Власть предрешающий, так и лидер социальной мысли *одинаково мало* желают осознать *происхождение своей власти*» [5, С.52].

Значит ли это, что способность говорить «Я», т.е. способность идентифицировать себя в качестве говорящего, в качестве артикулирующего тот или иной дискурс, тоже в итоге определяется властными структурами? Л. Альтюссер отвечает на этот вопрос положительно, утверждая, что всякое «Я» является ответом на некий призыв Власти, исходящий со сцены социального. Это значит, что существование «Я» возможно лишь благодаря принятию фундаментальной «ответственности» (или вины, в терминах современного американского философа Дж. Батлер [6, С.92]). Условием «становления-субъектом», согласно Л. Альтюссеру, является «субординация» или субъекция, понятая как подчинение индивида властным структурам. Аргументируя эту точку зрения, Л. Альтюссер обыгрывает двусмысленность понятия «субъект». «При обычном использовании термина, – пишет он, – субъект фактически означает: (1) свободную субъективность, центр инициатив, автора и ответственного за свои действия; (2) подчиненное

(subjected) существо, которое подчиняется высшей власти, и поэтому лишённое всей свободы за исключением свободы принять своё подчинение» [2, Р.123]. Эта двусмысленность, по мнению Л. Альтюссера, лишь иллюстрирует тот факт, что субъект производится в качестве эффекта подчинения. «Нет никаких субъектов кроме как существующих посредством и для их подчинения (subjection) власти» [2, Р. 123]. В этом плане в отношении понимания субъективности принципиальным становится положение Ж. Лакана, заключающееся в том, что субъект не что иное, как совокупность базисных *додискурсивных* отношений. «Дискурс представляет собой *необходимую структуру*, которая выходит далеко за пределы речи, носящей, в отличие от него, характер более или менее случайный, ситуативный», – говорит в своём 17 семинаре Ж. Лакан, – «всё дело в том, что на самом деле дискурс прекрасно может обходиться без слов. Он сохраняется в определённого рода *базовых отношениях*. Эти последние невозможно, строго говоря, без языка поддерживать. Посредством языка как орудия устанавливается некоторое число постоянных связей, внутри которых может, разумеется, оказаться вписано нечто такое, что в границы фактических актов высказывания не уместается» [7, С.9]. А базовые отношения – это всегда отношения власти и подчинения, подавления и зависимости, которые и конституируют дискурс как исходную структуру.

Таким образом, всякий раз произнося «Я», и связывая это «Я» с определённым именем собственным, субъект, сам того не осознавая, позиционируется внутри определённого дискурсивного социального пространства, занимает то или иное «место» в данном пространстве, которое пронизано вдоль и поперёк отношениями власти и подчинения. Власть проникает в самую «сердцевину» субъекта, так как именно её механизмы формирует его в качестве саморефлективного существа, в качестве существа способного говорить «Я» и именовать себя тем или иным именем. При этом Л. Альтюссер подчёркивает, что имя приходит в этот мир вместе с самим индивидом и неотчуждаемо как его способность, подобно элементарным способностям к научению и подражанию. Оно проявляется и воспроизводится в самых повседневных действиях, таких как «рукопожатие, факт оклика Вас вашим именем, факт знания, \diamond что у Вас есть собственное имя, что означает, что Вы признаны как уникальный субъект, и т.д.» [2, Р.117]). В конечном счёте, это говорит о *непрерывности практик идеологического признания* в обществе, но ни в каком отношении не даёт субъекту знания механизма этого признания, что лишней раз акцентирует её идеологический, скрытый или завуалированный характер.

Очевидность существования «Я», согласно Л. Альтюссеру, является идеологическим «эффектом», который, как и всё прочие идеологические эффекты (такие например как «Слово [всегда] обозначает предмет» или «Слово обладает значением» [2, Р.122]), что маскирует непрозрачность и идеологический характер языка. Идеология, существующая в языке, может функционировать, лишь скрывая саму себя, выступая под маской очевидности или неподдающейся сомнению истины. В таких случаях используется метафора прозрачности.

М. Пешё и К. Фукс пишут по этому поводу, что существование субъекта предполагает фундаментальное забвение механизма признания самого себя или полное игнорирование самого факта самоузнавания (авторы называют его «забвением № 1») – «неотъемлемый аспект субъективной практики, связанный с речевой деятельностью субъекта» [4, С.108]. То есть, дискурсивные практики, в которых некто узнаёт себя и других в качестве субъектов (в качестве «я» и «ты», обладающих собственными именами) возможны лишь постольку, поскольку сам механизм этого признания остаётся завуалированным и неизвестным самому субъекту. Л. Альтюссер выделяет здесь четыре условия-гарантии признания – «интерпелляции индивидов как субъектов; их подчинение Субъекту (т. е. Власти – В. П.); взаимное признание субъектов и Субъекта; признания субъектами друг друга, и, наконец, признания субъектом самого себя; абсолютная гарантия, что все действительно так, и что субъекты признают это, что они есть и ведут себя соответственно, то все будет в порядке» [2, Р.122-123]. Если мы соотнесём эти положения, то сразу возникает метафора тотальности власти языка и языка власти – по – вертикали – по горизонтали; извне и изнутри – вообще *везде*. Итак, субъект, существуя в языке и посредством языка, с необходимостью существует в рамках тех классификаций, которые заложены в этом языке. Именуя себя в речи в качестве говорящего, субъект проходит через заложенную в языке категоризацию, в результате чего его идентичность всегда оказывается «вписанной» в пространство отношений власти и подчинения. В результате субъект всегда находится в фундаментальной зависимости от власти языка, который он не выбирает, но который даёт санкцию его деятельности в качестве субъекта. Развивая это положение, Р. Барт пишет: «В языке, благодаря самой его структуре, заложено фатальное отношение отчуждения. Говорить или тем более рассуждать вовсе не значит вступать

в коммуникативный акт (как нередко приходится слышать); это, значит, подчинять себе слушающего: весь язык целиком есть общеобязательная форма принуждения» [3, С.548].

Более того, на власть языка, по мысли Л. Альтюссера, возлагается функция «конституирования конкретных индивидуумов как субъектов» [2, Р.117]. Исходя из этого, для него становится важным понимание различия между «индивидом» и «субъектом» как различия двух человеческих состояний. Термин «индивид» чисто условно указывает на состояние независимости от идеологических механизмов именованного, а «субъект» – на состояние, являющееся непосредственным результатом их действия. Возникает необходимость продемонстрировать механизм перехода от одного состояния к другому. Даная задача решается Л. Альтюссером следующим образом. Не смотря на различие, между субъектом и индивидом имеется определенное отношение – «конкретные субъекты существуют только постольку, поскольку они подпираются конкретными индивидуумами» [2, Р.117-118]. Индивид, следовательно, служит, опорой субъекта – он является тем «исходным материалом», из которого Идеология формирует субъекта. Трансформация Идеологией и Властью индивида в «субъект» происходит, как считает Л. Альтюссер, посредством механизма интерпелляции или оклика. «Субъект конституируется в тот самый момент, когда индивид расценивает оклик как обращенный лично к нему. Иными словами, формирование субъекта происходит тогда», – поясняет суть своей схемы интерпелляции Л.Альтюссер, – «когда индивид опознаёт себя в «ты» интерпелляции. Я тогда предположу, что идеология «действует» или «функционирует» таким способом, которым она «рекрутирует» субъектов среди индивидов (она рекрутирует их всех). Или «преобразовывает» индивидов в субъекты (она преобразовывает их всех) той очень точной операцией, которую я назвал интерпелляцией или окликом. Она и которая может быть представлена в наибольшей степени каждодневным полицейским (или каким-либо другим) окликом: «Эй, Вы там!», поясняет свою трактовку превращения индивида в субъекта Л.Альтюссер [2, Р.118]. Приводимая Л. Альтюссером «теоретическая сцена» с полицейским, окликающим прохожего, призвана проиллюстрировать тот факт, что «учитывая, что теоретическая сцена, которую я вообразил», – пишет Л. Альтюссер, – «происходит на улице, окликнутый индивид обернётся. Через этот физический оборот на 180 градусов он становится субъектом. Почему? Поскольку он признал, что этот оклик был «на самом деле» обращен к нему, и «что окликнули на самом деле его» (а не кого-либо еще)» [2, Р.118].

Но здесь возникает следующая проблема. Для того чтобы индивид был способен совершить «оборот», ответить на призыв власти, он «уже» должен *знать своё имя*. Иными словами, он должен себя «уже» идентифицировать в дискурсе Другого и, таким образом, «уже» быть субъектом. То, что в реконструкции Л. Альтюссера случается «после» интерпелляции (субъективации) должно уже быть дано «до» неё. Самим Л. Альтюссером хорошо чувствуется это слабое место своей реконструкции, о чем он сам и говорит: "для удобства и ясности моей небольшой теоретической постановки, мне пришлось представить вещи в форме последовательности, от *до* к *после*, то есть в форме темпоральной последовательности. Л. Альтюссер сам признаёт это слабое место своей реконструкции и оговаривается: «для удобства и ясности моей небольшой теоретической постановки, мне пришлось представить вещи в форме последовательности, от *до* к *после*, то есть в форме темпоральной последовательности. <...> Но в действительности эти вещи случаются без всякой последовательности» [2, Р.118]. Иначе говоря, всякое «до» и «после», на самом деле являются лишь инструментами умозрительной, спекулятивной конструкции Л. Альтюссера. Вместе с этим положением оказывается опрокинутой сама идея формирования субъекта из индивида — «индивиды всегда уже являются субъектами» [2, Р.118]. Иначе говоря, индивид всегда уже именован, всегда уже интерпеллирован, выведен на сцену социальным фактом своего рождения.

Иначе говоря, индивид «всегда уже» оказывается субъектом в силу того, что он всегда уже обладает некоторым собственным именем, он всегда поименован, или, по крайней мере, место для имени собственного всегда *уже* предуготовано. Данную позицию Л. Альтюссер отстаивает в том пассаже, где он, прямо ссылаясь на авторитет З. Фрейда, апеллирует к известному тезису Ж. Лакана из «Инстанции буквы в бессознательном»: место субъекта в форме собственного имени предначертано ещё с самого его рождения [8, С.56]. «Фрейд показывает», – пишет Л. Альтюссер, – «что индивиды – всегда «абстрактны» относительно субъектов, которыми они всегда уже являются, просто указывая на идеологический ритуал, который окружает ожидание «рождения», этого «счастливого события» <...> До своего рождения, ребенок, поэтому, всегда уже субъект, утверждённый как субъект *в* и *через* определенную семейную идеологическую конфигурацию, в которой он «ожидается», как только был зачат» [2, Р. 118]. Однако это ссылка не разрешает парадокса альтюссеровского умозрительного построения. В самом деле, поскольку индивид у

Л. Альтюссера оказывается субъектом *de jure* ещё до того, как он обретает способность признать факт своего именованія *de facto*, т.е. до того как он начинает существовать, – постольку вся «ответственность» за его существование оказывается полностью возложена на Другого (большого Субъекта в терминологии самого Л. Альтюссера), который и предвосхищает существование субъекта в социуме, в его символических универсумах. В результате, при анализе теории субъекции Л. Альтюссера возникает впечатление, что сам факт именованія, исходящего от Субъекта или Другого (т.е. – власти во всех её формах) должен гарантировать своей авторитетностью признание индивидом своего имени, что интерпелляция должна обеспечивать все условия и гарантии для «интепеллируемости» индивида. Проблематичность такого взгляда становится очевидной при сопоставлении альтюссеровских примеров (оклик полицейского, религиозный ритуал крещения и т.д.) с знаменитым примером перформатива, приводимым Дж. Остином: «Нарекаю этот корабль «Королевой Елизаветой» [9, С.18]. В данном примере предмет именуется индивидуальным именем, но очевидно, что при этом он не становится субъектом; имя, даваемое ему в процессе именованія, не становится именем собственным как таковым. В этом, как нам представляется, заключается главная слабость теории интерпелляции: данная теория проходит мимо невозможности уподобления обычного перформатива перформативу, устанавливающего индивида в качестве социального субъекта. Последний должен являться специфичным модусом перформатива, он должен быть принципиально иным, нежели тот, который приводит в качестве примера Дж. Остин. На эту проблему, существующую в концепции интерпелляции, указывает Дж. Батлер [6]. «Примечательно», – пишет Дж. Батлер, – «что Альтюссер не дает ни намека на то, почему этот индивидуум оборачивается, принимая голос как обращенный именно к нему или к ней и принимая субординацию или нормализацию этим голосом вызванные. Почему субъект оборачивается на голос закона и каковы последствия такого оборота для инаугурации социального субъекта?» [6, С.19] Очевидно, что присутствие данной проблемы обусловлено тем, что Л. Альтюссер последовательно придерживается принципа объективации социального через абсолютизацию Другого, т.е. Идеологии и Власти.

В другой своей работе Дж. Батлер углубляет данную трактовку интерпелляции, выдвигая тезис о том, что интерпелляция происходит и без оклика субъекта Другим или Властью, когда имени субъекта не называют вовсе, вовсе его не замечая и подобным образом аннигилируя его возможность идентифицировать себя. Такие изоцированные формы Власти повсеместно применяются как социальные практики цензуры, администрирования, «наивной слепоты и глухоты», замалчивания и т. д.

Более того, *мегаинтерпелляция* носит для субъекта всегда травматический эффект, содержит в себе сниженный вариант его идентичности, она ориентирована на унижение его достоинства и чести, оскорбляет и подавляет в нем человеческое самоуважение и, в конечном счёте, служит аннигиляции существования субъекта. «Можно интерпеллировать, *поставить на место*, указать место посредством молчания, через неадресование – и это становится ужасающе очевидно в ситуации, когда мы предпочли бы быть униженными, чем чтобы к нам не обратились вообще» [10, Р.27], – разъясняет свое модифицированную трактовку процесса интерпелляции Дж. Батлер. В результате возникает проблема соотношения именованія или номинации (объективного) и самоидентификации (субъективного), т.е. проблема отношения между отчуждением и присвоением имени собственного. Игнорирование субъективного приводит к тому, что Л. Альтюссеру приходится ставить знак равенства между поименованным индивидом *извне* и субъектом, обладающим именем собственным *изнутри*, чего делать не стоит.

Если рассматривать изнутри процесс именованія, то здесь и возникает самоузнавание, или способность субъекта говорить себе «*А где я?*» или спрашивать себя «*А что я здесь делаю?*», что, в свою очередь, сопряжено с перформативным вопрошанием «*А кто вообще Я?*» или, – «*Каково имя моё?*». Различие лишь в том, что один субъект задаёт эти смысложизненные вопросы время от времени, т. е. когда начинает осознавать, что «потерял свою позицию», а другой – задаёт их постоянно. Но, эта позиция постоянно корректируется извне и всегда звучит дискурс власти в виде перформатива «*Ты – такой-то!*» или властный оклик – «*А кто ты такой?*», указующий на надлежащее место субъекту. Так или иначе, данные вопросы маркируют позицию и имя субъекта в виде совершаемого самоузнавания в дискурсивных пространствах. Вместе с тем, данный тип вопрошания свидетельствует о непрерывно совершаемой субъектом процедуре самоузнавания и, как следствия, служит его самоудостоверению. Данный методологический принцип социальной теории самоидентификации наглядно демонстрирует роль дискурса как *базисной структуры отношений*, имеющей власть над субъектом благодаря именованию субъектом самого себя

и установлению им своего места в том или ином социальном пространстве. Именно данная дискурсивная структура отношений формирует и воспроизводит, начиная с института семьи, повседневные практики власти различных социальных институтов над субъектом, определяя его действия, поступки и способы поведения в социуме.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Палагута В. Самоидентификация социального субъекта в дискурсивных пространствах/ В.Палагута. – Днепропетровск: «Инновация», 2010. – 440 с.
2. Althusser L. Ideology and Ideological State Apparatuses (Notes towards an Investigations)/ L. Althusser // Lenin and Philosophy and Other Essays. New York: Monthly Review Press, 2001. – P. 85-131.
3. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика/ Р.Барт; пер. с фр. – М.: Прогресс, 1994. – 616с.
4. Пешё М.,Фукс К. Итоги и перспективы. По поводу автоматического анализа дискурса/ М.Пешё, К.Фукс; пер. с фр. // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. – М: ОАО ИГ Прогресс, 2002. – С. 105-124.
5. Монсон П. Лодка на аллеях парка. Введение в социологию. / П. Монсон; пер с англ. – М: Логос, 1995. – 189 с.
6. Батлер Дж. Психика власти: теории субъекции / Дж.Батлер; пер. с англ. – Харьков: ХЦГИ; СПб: Алетейя, 2002. – 168 с.
7. Лакан Ж. Семинары. Книга 17. Изнанка психоанализа (1969/1970) / Ж.Лакан; пер. с фр. – М.: Издательство Гнозис/Логос, 2008. – 272 с.
8. Лакан Ж. Инстанция буквы в бессознательном, или судьба разума после Фрейда / Ж.Лакан; пер. с фр. // Инстанция буквы в бессознательном, или судьба разума после Фрейда. – М.:«Русское феноменологическое общество», Изд-во «Логос», 1997. – С. 54-87.
9. Остин Дж. Избранное / Дж.Остин; пер. с англ. – М.: Идея-пресс, Дом интеллектуальной книги, 1999. – 332 с.
10. Butler J. Excitable Speech: A Politics of the Performative / J. Butler. – New York; London: Routledge, 1997. – 185 p.

SUMMARY

This article outlines the four directions perspectives of contemporary dual subject and social theory development. One of the basic methodological principles of the theory creation is considered, namely – the ability of the subject not to lose the setting on self-authentication under any circumstances. This ability allows to fix in any social object the "traces" of its original self-identification discursive construction with its specific indices that point the place occupied by a subject – observer at a certain moment in the social space, and that will allow to build a theoretical discourse "right on the spot" of immanent observations.

В. О. СКВОРЕЦЬ

ТРАНСФОРМАЦІЯ СТРУКТУРИ ВЛАСНОСТІ ЯК ФАКТОР ВИБОРУ ШЛЯХУ РОЗВИТКУ УКРАЇНСЬКОГО СУСПІЛЬСТВА

В сучасній Україні трансформація структури власності перетворилися на визначальний чинник розвитку суспільства. Якщо в УРСР домінувала державна та колективна власність, питома вага якої у сукупності перевищувала 90 %, то в сучасній Україні домінуючою стала приватна власність, питома вага якої, за різними оцінками, становить від 80 до 90 %. Така кардинальна трансформація структури власності зумовила радикальні зміни в українському суспільстві, а саме в розподілі національного багатства, в соціальній структурі населення, в соціальній сутності та змісті діяльності держави, в державному управлінні та соціальній політиці держави. Трансформація структури власності є наслідком неоліберальних ринкових реформ, які відкинули українське суспільство на десятиріччя назад у своєму розвитку. Україна перейшла із розряду країн «другого світу» до розряду країн «третього світу», перетворилася на країну масової бідності та масштабних соціальних проблем.

Вітчизняні науковці визнають необхідність зміни моделі економічного розвитку України. Дослідники О.Г. Білорус, Л.І. Воротіна, В.М. Геєць, О. Гош, М.І. Дробноход, О.В. Кендюхов, Ю.В. Макогон, М.А. Павловський, Ю.М. Пахомов, В.Ф. Сіренко, О.І. Соскін, В. Тарасевич, А.С. Філіпенко, В.К. Черняк обґрунтували низку різних підходів до зміни моделі соціально-економічного розвитку, але всі вони тією чи іншою мірою стосуються структури власності. В той